

— Мне... мне ещё выпадет шанс спеться с господином Цуном? — запнулся Ляо Бинцяо, практически вжимаясь в плечо Юнь Цзи.

— Вряд ли, — честно ответил Юнь Цзи. — Наше сотрудничество с Цун Ле касается главным образом продвижения и дистрибуции. За запись и продюсирование отвечает его собственная студия.

Ляо Бинцяо понимающе кивнул, и его плечи разочарованно опустились.

— Впрочем, мы как раз строим собственную студию, — с мягкой, уверенной улыбкой добавил Юнь Цзи. — Тебе всё равно нужно время, чтобы освоиться и сменить стиль. Сможешь учиться и одновременно участвовать в процессе. Неужели тебе не хотелось бы приложить руку к созданию нашей собственной записи?

Фу Цин, наблюдая, как в глазах парнишки вспыхивает азарт — куда более пылкий, чем при виде Цун Ле, — в очередной раз поразилась искусству, с которым Юнь Цзи заговаривал зубы.

Ляо Бинцяо был талантливым рокером, сворующим не туда; перестройка его репертуара и впрямь требовала времени.

Нанять преподавателей — дело нехитрое, учеба в ряду предстоящих трат оставалась самой дешевой статьёй расходов.

А вот хорошая студия звукозаписи — настоящая золотая жила. Точнее, бездонная яма.

Одно только топовое профессиональное оборудование обходится в миллионы юаней, а ведь им нужно укомплектовать целый зал.

Конечно, Фу Цин могла вытянуть немного денег из брата. Несколько миллионов Фу Цзян даст без лишних вопросов, но если потребуется больше, он начнет просчитывать риски.

Финансовая отчетность компании была для них обоих прозрачной, поэтому Фу Цин прекрасно знала: слова Юнь Цзи о том, что он ушел из семьи с пустыми руками, — не фигура речи.

Покинув клан Юнь, он не взял с собой ни гроша, кроме стартового капитала, заработанного еще в студенческие годы.

Да и тот капитал был невелик — ходили слухи, что большую его часть он умудрился спустить на какого-то незнакомого мальчишку.

Лишь такой наивный юнец, как Ляо Бинцяо, мог покорно развесить уши, вместо того чтобы поинтересоваться финансовой состоятельностью фирмы.

Фу Цин украдкой бросила взгляд на партнера.

Юнь Цзи стоял, непринужденно убрал одну руку в карман брюк, а другой неторопливо подносил к губам сигарету. Он слушал с искренним вниманием, а отвечал легко и снисходительно:

— Не переживай, я обо всем позабочусь. От тебя требуется только приспособиться.

Взгляд Ляо Бинцяо, обращенный на него, сменился с надежды на нескрываемый восторг, за которым сквозило почти благоговение.

Глядя на безупречное хладнокровие Юнь Цзи, Фу Цин решила, что и ей не о чем беспокоиться: у этого человека всегда найдется решение.

— Пойдем, я покажу тебе офис, — хлопая юношу по плечу, произнесла она. — Если всё устроит, обсудим детали контракта и твое расписание.

Стоило им уйти, как вся невозмутимость Юнь Цзи мгновенно испарилась.

Ладони покрылись холодным липким потом, сигарета едва не выпала из дрожащих пальцев.

Голова гудела еще с того момента, как он отправился на поиски рокера, а после того, как его втиснули в крошечную гримерку под оглушительный рев фанатов, перед глазами и вовсе поплыли темные круги. Встречая Ляо Бинцяо красивыми обещаниями, он параллельно лихорадочно соображал, где достать деньги на студию, пока сознание мерцало, точно старая киноплёнка.

Теперь, когда парень был покроен, спало лишь первое напряжение — а дурнота накатила с удвоенной силой.

— «Наша собственная студия»? — подал голос Цун Ле, провожая взглядом ушедшую пару.

— Уже поздно, иди отдыхай, — произнес Юнь Цзи, слегка приподняв подбородок и незаметно опираясь о стену.

Он всем сердцем надеялся, что Цун Ле уберется как можно скорее: еще немного, и у него просто не останется сил, чтобы вызвать такси.

— Куда ты так спешишь? — в ровном голосе Цун Ле не прослеживалось эмоций. — У тебя так быстро появился новый «соратник по духу»?

«Родственная душа» — именно этот термин Юнь Цзи посчитал наиболее точным, когда начал открыто ухаживать за Цун Ле. Немного заезженно, зато предельно искренне.

Тогда он выложил публичный пост:

"Прелесть уникального заставляет трепетать. Ты — моя родственная душа, которую я никогда не потеряю. @Цун Ле"

В тот период Цун Ле как раз совершал триумфальное возвращение на сцену, а его новый сингл бдительно штурмовал чарты. Возродившийся король эстрады был неуправляем.

У самого Юнь Цзи насчитывалось свыше трех миллионов подписчиков, так что пост мгновенно набрал десятки тысяч репостов и комментариев, а хэштег «Старший молодой господин Юнь признается в любви Цун Ле» стремительно возглавил топ трендов.

Однако нынешний Юнь Цзи был далек от наивной мысли, будто Цун Ле ревнует. Должно быть, у того просто уязвлено тщеславие при виде того, как продюсер переключается на новые таланты — вполне человеческая реакция.

В прошлой жизни Юнь Цзи не занимался никем, кроме Цун Ле. С одной стороны, все его ресурсы и внимание принадлежали лишь ему одному, да и таланта с популярностью певца с лихвой хватало для всех задач. Юнь Цзи курировал остальные проекты компании обобщенно, и лишь Цун Ле находился под его личным, абсолютным контролем.

С другой стороны, он берег чувства артиста. Ему хотелось, чтобы Цун Ле ощущал свою исключительность. Как он и обещал перед лицом всего света: один-единственный.

— Ничего личного, обычная работа, — сухо отрезал Юнь Цзи, не желая продолжать бессмысленный разговор.

Превозмогая тошноту, он направился к своему столику за пиджаком.

Время было поздним, персонал уже убирал зал. Несколько фанатов все еще толпились у входа, с надеждой заглядывая внутрь. В воздухе висело то самое опустошение, что всегда приходит на смену шумному празднику.

Забрав куртку, Юнь Цзи протиснулся сквозь толпу на улицу и обнаружил, что пошел дождь. Поставив ладонь под мелкую водяную пыль, он тихо вздохнул.

— Куда ты сейчас? — снова раздался за спиной голос Цун Ле.

— Домой, — безучастно отозвался Юнь Цзи.

В этот момент несколько школьников в форме, сжимая в руках блокноты и ручки, бесцеремонно рванули к артисту:

— Брат Ле, можно автограф?..

Слепо пробиваясь к своему кумиру, они задели Юнь Цзи, который как раз надевал пиджак, и тот покачнулся, чуть не потеряв равновесие.

— Ой, извините, извините! Вы в порядке? — школьники поспешно подхватили его.

Юнь Цзи опустил голову и молча качнул рукой. Убедившись, что перед ними взрослый и высокий парень, ребята бросили еще пару извинений и протолкались дальше.

— Что с тобой? — резкий оклик заставил Юнь Цзи осознать, что Цун Ле крепко держит его за запястье.

Прежде чем он успел сообразить, о чем речь, ноги подкосились, и он камнем пошел вниз. Если бы не железная хватка Цун Ле, вовремя подхватившая его под локти, Юнь Цзи рухнул бы прямо на мокрый асфальт.

— Юнь Цзи? — Цун Ле сжал его за плечи, с трудом удерживая в вертикальном положении. — Сколько ты выпил?

Юнь Цзи тише тихого усмехнулся, ничего не ответив.

Застывшие поодаль фанаты боязливо наблюдали за ними.

Только тут Цун Ле понял, что от Юнь Цзи совсем не пахнет алкоголем, зато его лоб покрыт холодной испариной, а влажные пряди прилипли к коже.

Знакомое чувство тревоги снова сжало грудь.

— Плохо? Идти сможешь? — удерживая его одной рукой, спросил Цун Ле.

Юнь Цзи кивнул:

— Смогу.

И тут же подался вперед, едва удерживаясь на ногах.

— Да что с тобой происходит?! — вконец потеряв обладание, рявкнул Цун Ле, подхватывая его обеими руками. — Почему ты весь мокрый?!

Юнь Цзи поморщился и шепнул:

— Не ори. Вокруг камеры.

Ему было все равно на вспышки гнева Цун Ле, но схлопотать два негативных инфоповода за один вечер было бы слишком — не стоило давать врагам лишний поводок.

В следующий миг на его голову обрушилась тяжелая ткань, полностью скрыв лицо.

Тонкий аромат эвкалипта и мяты — знакомый запах лосьона после бритья, которым всегда пользовался Цун Ле.

— Пропустите, пожалуйста. Не нужно снимать, спасибо, — быстро и напряженно бросал Цун Ле зевакам, укрывая спутника обеими руками.

Он довел Юнь Цзи до машины. Дверь распахнулась, и Лян Чао тревожно запричитал:

— Господин Цун, на улице же дождь, почему вы без куртки... Ой, это... Господин Юнь?!

Едва они устроились на заднем сиденье, ассистент Лян перебрался с переднего кресла, протянул Цун Ле полотенце с термосом и бережно помог Юнь Цзи выпутаться из смятого пиджака.

— Что опять стряслось? Господин Юнь, вам плохо? Нужно лекарство? Может, в больницу? — с тревогой спросил Лян Чао, разглядывая его бледное, точно полотно, лицо.

В салоне было ощутимо теплее, чем снаружи, и Юнь Цзи немного отпустило.

— Не нужно, — тихо пробормотал он. — Отвезите меня домой, пожалуйста.

У него не было сил на расспросы — хотелось лишь как можно скорее оказаться в постели.

— Точно не надо? Вы замерзли? Почему вы такой бледный? — Лян Чао был перепуган до смерти, но, наткнувшись на тяжелый взгляд Цун Ле, осекся и смущенно повернулся обратно: — Я... я подскажу водителю дорогу.

Юнь Цзи откинулся на спинку сиденья, даже не пытаясь открыть глаза. Стоило слегка повести головой, как к горлу подступала тошнота.

— Попьёшь? — Цун Ле открутил крышку термоса и протянул ему.

— Не хочу, — еле слышно ответил Юнь Цзи, не шевельнувшись.

Цун Ле прикоснулся тыльной стороной ладони к его лбу и тут же убрал руку, не дав Юнь Цзи отстраниться.

— Жара нет...

— Сердце прихватило? — нахмурился певец, приложив ладонь к его груди, чтобы почувствовать пульс.

Юнь Цзи действительно чувствовал слабость и трепет в груди, но сильнее всего допекала мучительная тошнота, так что он просто слабо качнул рукой.

Цун Ле сжал его липкие пальцы; морщина между его бровями залегла еще глубже.

— Зачем ты вообще притащился сюда в такую рань? Ради этого вокалиста? — в его голосе проскользнули раздраженные нотки. — У тебя что, сил девать некуда? Да десять таких, как он, и вполтину не стоят меня! Помяни мое слово, не связывался бы ты с этими «восходящими звездами»...

— Кхм... — Юнь Цзи, изо всех сил сдерживавший позывы, больше не смог бороться с тошнотой. Подавшись вперед, он согнулся и его вывернуло прямо на Цун Ле.

Он не пил ни капли, да и ужин толком не ел, обойдась лишь парой чашек чая.

Резкого запаха в салоне не появилось, однако ни водитель, ни Лян Чао не смели взглянуть на Цун Ле.

Тот лишь замер на пару мгновений, после чего одной рукой удержал Юнь Цзи, а второй неторопливо снял с себя единственную оставшуюся рубашку и стер ею грязь.

В машине воцарилась гробовая тишина — затишье перед неминуемой бурей.

Впрочем, освободив желудок, Юнь Цзи почувствовал себя значительно лучше. Пусть Цун Ле взрывается, если хочет, — спорить с ним у него все равно нет ни малейшего желания.

Спустя пару секунд Цун Ле произнес отрывисто и строго:

— Ты что, не ужинал?

Юнь Цзи меньше всего хотелось обсуждать содержимое собственного желудка. Он молча принял из рук артиста стакан с теплой водой и прополоскал рот.

— Открой рот, — велел Цун Ле, разворачивая леденец.

Едва Юнь Цзи замешкался, как за губы проскользнула мятная пастилка.

Прохладная и сладостная.

Грудь наполнилась свежестью, а оставшиеся симптомы тошноты окончательно отступили.

— И почему ты не ешь? — проворчал Цун Ле. — Врач же ясно сказал, что приступы слабости связаны с гипогликемией.

Юнь Цзи не стал объяснять, что у него не было ни времени, ни аппетита, предпочитая хранить молчание.

Его собственная одежда осталась чистой, поэтому, прислонившись к дверце машины, он постепенно погрузился в дрему.

Лян Чао, косясь на оголенный торс Цун Ле, молча протянул ему собственную куртку:

— Брат, накинь хоть что-то.

Цун Ле забрал ветровку, небрежно набросил на плечи и буркнул:

— Смотри на дорогу.

Лян Чао послушно отвернулся, но тут же не удержался и снова кинул взгляд на Юнь Цзи:

— Господин Юнь ведь только на днях из больницы... Графика у него вроде нет, а выглядит так, будто пашет за троих.

— Помолчи, шумишь, — сдавленно отрезал Цун Ле и привычным движением полез в карман, выудив пачку сигарет.

Он уже собирался ловко прикурить, когда сообразил, что на нем чужая куртка.

— Брат Ле, ты что, курить начал?! — шепотом ахнул Лян Чао, округлив глаза.

Для певца связки — это всё, табак для Цун Ле находился под абсолютным табу.

Взглянув на пачку в своих руках, Цун Ле на мгновение растерялся.

Он ведь действительно не умел курить.

И все же сигарета марки «Белый песок» легла между указательным и средним пальцами, источая едва уловимый терпкий запах.

Он ведь искренне ненавидел запах табака и перегара, исходивший от Юнь Цзи. Каждый раз, чувствуя его, Цун Ле представлял, как тот проводит вечера в прокуренных залах, обнимаясь с сомнительными личностями.

Цун Ле опустил взгляд на руку Юнь Цзи, покоившуюся на колене.

Бледная, тонкая, с едва заметными голубоватыми прожилками вен под прозрачной кожей. На указательном пальце блестело золотое кольцо с выгравированными символами, а на фалангах не было и следа желтых табачных пятен. Слишком изящная, хрупкая ладонь без единой грубой косточки.

Такая рука создана, чтобы держать каллиграфическую кисть или расставлять шахматные фигуры, но никак не ассоциировалась с человеком, способным повелевать целыми медиаимпериями.

Цун Ле медленно сжал незажженную сигарету, кроша ее в ладони.

К моменту, когда автомобиль остановился, дождь за окном стих.

Вздремнув в дороге, Юнь Цзи почувствовал, как вместе с глюкозой к нему возвращаются силы; во рту все еще сохранялся приятный мятный холодок.

Поблагодарив водителя и Лян Чао, он открыл дверцу и вышел.

Воздух после дождя был свеж и прохладен.

Услышав за спиной отчетливый плеск шагов по лужам, он недоуменно обернулся:

— Ты ведь так занят. Зачем таскаешься за мной целыми днями?